

© 2015 г. Е.И. ЯКУШКИНА

СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ **zельje* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Семантическая структура слова **zельje* в славянских языках включает три основных значения: ‘овощ’, ‘дикорастущее травянистое растение’, ‘лечебный и ядовитый отвар’. Первое значение характерно для южных и юго-западных славянских языков, второе и третье – для восточнославянских. Польский язык занимает промежуточное положение между двумя ареалами.

The semantic structure of the word **zельje* in Slavic languages includes three main meanings: «vegetable» «herbal wilding» and «medical and poisonous decoction». The first meaning is typical for Southern and South-Western Slavic languages, the second and third – for Eastern-Slavic ones. The Polish language takes an intermediate position between these areals.

Ключевые слова: славянские языки, семантика, межъязыковая многозначность, ареалогия.

Слово **zельje* интересно для семантического описания вследствие полисемии, которую демонстрируют продолжения этой праславянской лексемы в разных славянских языках и которая в славянском континууме имеет четкие ареальные характеристики. Семантика лексемы включена в вопросник Общеславянского лингвистического атласа (вопрос 3400 Sm) [1. С. 229], а также в вопросник Лексического атласа русских народных говоров (вопрос СМ 150) [2. С. 191]. Соответствующие карты не опубликованы, но доступные архивные материалы послужили отправной точкой для данного описания¹. Анализ выполнен в русле исследований по славянской межъязыковой многозначности, осуществленных в рамках славянской этнолингвистики, прежде всего в работах С.М. Толстой [3; 4. С. 51–98].

Обобщенно набор значений слова **zельje* можно представить следующим образом: ‘трава, растение с тонким стеблем’, ‘сорняки’, ‘настой из трав’, ‘овощи, огородные культуры: щавель, капуста (*Brassica capitata*)’ [1. С. 229]. Эти значения образуют два крупных компактных ареала: юго-западный – чешско-южнославянский (огородная культура) и северо-восточный – польско-восточнославянский (дикая трава и настой из трав). Значение ‘трава’ обычно встречается и в юго-западном ареале, и, наоборот, у восточных славян sporadически фиксируется значение овоща. Так что противопоставление культурного и дикого в значении лексемы не столь яркое – скорее, в нем содержится синкретичное представление о зеленом растении с разными функциями. Более важной в межъязыковой полисемии слова кажется оппозиция полезный – вредоносный, частично пересекающаяся с оппозицией культурный – дикий, но не совпадающая с ней.

Якушкина Екатерина Ивановна – канд. филол. наук, доцент филологического факультета МГУ.

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Т.И. Вендиной за возможность ознакомиться с архивными материалами обоих атласов.

Структурно лексема представляет собой собирательное существительное с суффиксом *-je*, производное от **zель*, ср. [5. С. 648], по той же модели, что и псл. **byльje* ‘трава’ от **byль* с тем же значением, *kvěтьje* ‘цветок, цветы’ от *kvěть* [6. С. 150, 164]. Значение собирательности (множественности) в большинстве языков утратилось, и лексема используется для обозначения одного растения.

Связь с травой характерна и естественна для номинаций зеленого цвета, для которого трава является прототипом и составляет основу значения в разных языках (мнение Р. Токарского, А. Вежбицкой, толкование Вежбицкой лексемы *green* см. [7. С. 75]). Лексема *зелье* входит в ряд наименований молодых растений по признаку зеленого цвета, ср. русск. *зелень* ‘трава’ [8. С. 251], *зеленка* ‘трава’ [8. С. 248], серб. *зелењак* ‘зеленая трава’ [9].

Для южнославянских и юго-западнославянских языков характерным является значение съедобного растения, дикорастущего или огородного. В литературных чешском, словенском, болгарском и частично в хорватском языках лексема служит обозначением капусты (чеш. *zelí*, словен., хорв. *zelje*, болг. *зеле*), повсеместно это обозначение распространено в чешских и словенских говорах, в большинстве болгарских (кроме южных), в части хорватских (прилегающих к словенской территории), южных черногорских [10], восточных сербских [9] и некоторых македонских говорах [11. Карта № 13]. В тех областях юго-западного ареала, где у продолжений слова **zельje* нет значения ‘капуста’, а это, главным образом, сербские и македонские говоры, где в этом значении распространены лексемы *кунус* и *зелка*, слово **zельje* может обозначать съедобные дикие и огородные травы, листовые овощи. Для сербского языка наиболее характерно значение ‘щавель’. В диалектах *зелье* встречается как название крапивы [12], лебеды, листовой свеклы, шпината, голубоватого амаранта [13. С. 786], а также зафиксировано как общее название овощей и дикорастущих съедобных трав. Ср. *Преко цијелога дана ни залагаја, а вечеравши тек осольено дивље зелье* (Весь день – ни куска, а на ужин – только соленые дикие травы) (И. Чипико) [13. С. 786]; народ питается *млеком са разним дивљим зельем и листом* (молоком с разными дикими травами и листьями) (С. Вукосавлевич) [13. С. 786]; *кртола и друго зелье имају добар изглед* (у картофеля и других овощей хороший вид) («Глас Црногорца») [13. С. 786]; *пуно свачега на тржишту: круха, меса, зельа (поврталъа)* (много всего на рынке: хлеба, мяса, овощей) (М. Стоянович) [13. С. 786]; *па сам, браћо [...]* *посејао кромпира, пасуља и другога зельа* (я, братья, посадил картофель, фасоль и другие овощи) (Дж. Якшич) [13. С. 786]. Словосочетание *ливадско (польско) зелье* (букв. ‘луговая, полевая зелень’) указывает на съедобные дикорастущие травы: цикорий, лопух, кислицу, крапиву, лебеду, лук порей, одуванчик, спаржу и пр. В болгарских [14] и македонских [15] говорах лексема используется для названия лебеды, шпината, щавеля, чеснока, лопуха и вообще трав, употребляемых в пищу, ср. макед. *ошла баба до градина, да набери росно зелје да ми месит пресен зелник* (пошла хозяйка в огород набрать свежей зелени, чтобы замесить пресную зеленую питу) [15. С. 432]. Съедобную зелень и овощи слово обозначало и в старославянском языке: *а изнемагаи зелие да ѿтъ* [16. С. 235].

В восточнославянских языках у лексемы наиболее ярко и широко представлено значение дикорастущего травянистого растения. Русск. диал. *зелье* ‘трава, сорняки, бурьян’ [8. С. 253]: *В огороцике осталось зелье выполоть* [17. Пункт 52]; *Картошка сѣлита уся у зялле* [17. Пункт 731]; *Вот трава зелона, ее зельём и кличим* [17. Пункт 440]; укр. литер. *зілля* ‘различные, особенно пахучие травянистые растения’: *Панночки зібрали зілля и пішли довивати віночків на веранду* (Л. Украинка) [18. С. 573], укр. диал. ‘сорняки, трава с тонким стеблем, травянистое растение с листьями, полевые цветы, разнотравье’ [19], бел. литер. *зелле* [20. С. 240] ‘трава, сорняки’. Однако в древнерусском языке слово использовалось для обозначения съедобной зелени и овощей (*бѣ же самъ ѿда хлѣбъ соухъ и зелие варено без масла* [21. С. 970]), это значение изредка фиксируется

в украинских и русских говорах: укр. ‘щавель’ [19. Пункты 171, 495], ‘овощи, огородные культуры’ [19. Пункты 470, 512, 515, 520, 849], ‘капуста’ [19. Пункты 495, 836], русск. ‘зелень (лук, огурцы)’ [17. Пункт 102], ‘свежие овощи и травы, употребляемые в пищу’ [17. Пункты 669, 701, 735, 736], ‘ранняя зелень’, ‘ранние овощи’ [17. Пункт 905], ‘щавель’ [17. Пункт 90], ‘овощи’ [17. Пункт 603], ‘съедобные травы’ [17. Пункт 829].

Польский язык по признаку дикий – культурный в семантике продолженной лексики **zельje* занимает промежуточное положение между южнославянскими и восточнославянскими языками. В польской лексикографии у слова *ziele* отмечается значение ‘однолетнее растение с зеленым стеблем’ и ‘горох’ [22. С. 494], но в современном употреблении слово указывает только на некоторые виды съедобных и лекарственных трав (приправы, укроп, ромашку, подорожник), которые обычно заготавливают на зиму в сушеном виде, с чем связано уст. *zielarz* ‘аптекарь’. Значения сорняка и лекарственной травы лексема выражает в серболужичских говорах [19]. Переходной от южного типа к восточному можно считать и семантическую структуру лексем в сербском языке, где она может обозначать дикорастущую траву с различными свойствами (ср. *Недељом и свеци иђаше он с овима у поље и показиваше зелье што је отровно* – По воскресеньям и праздникам он ходил с ними в поле и показывал ядовитые травы) [13. С. 786] и часто, как и в польском языке, входит в состав народных названий лекарственных и ядовитых растений [13. С. 786].

Значение лекарственного или ядовитого растения – это третий мотив в семантике лексемы, характерный для центральной, о чем было сказано, и в большей степени для восточной Славии. Украинский язык является центром ареала распространения у лексемы значения ‘лекарственное растение’, к которому с запада примыкают польский, серболужицкие и сербский языки. В украинском языке слово в значении лекарственного растения представлено почти повсеместно [19], а также часто обозначает и пахучие травы (денотативная область, близкая к лекарственным и ядовитым растениям). Русский же язык, в основном, демонстрирует значение не лекарственной травы, а лечебного травяного настоя, отвара, то же значение представлено и в белорусском: бел. *варыць зелье, лячыцца зеллем* [20. С. 240]. Значение лекарства слово выражало и в древнерусском языке: *зелье* ‘снадобье из трав’ *общие да буде(т) зелье общему недугу, якоже и зелья лѣчебнаго больныи стомахъ* [23. С. 369]. В современных украинских говорах значение травяного отвара зафиксировано лишь в нескольких пунктах [19], но представлено в литературном языке: *Дай мені якого зілля, щоби тут, отут перестало боліти* (И. Франко) [18. С. 573]. Значение отвара у слова **zельje* и шире – использование лексемы как термина народной медицины представляет собой регулярную метонимию, характерную для разных названий трав, ср. русск. *травя* ‘настой, отвар из некоторых растений’. Более специфической является чисто восточнославянская и преимущественно русская связь лексемы с нанесением вреда человеку и конкретно с колдовством. В русских говорах как название травяного отвара слово обычно указывает на отраву или заговоренный напиток, что отразилось и на литературном значении: *Зелье* варят бабки, которые варажить умеют, ано ядавитым может быть – выпьешь его – так и умереть можно. Напитка этава избегать нужно [17. Пункт 466]. *Зельем* атравить можна любова [17. Пункт 467]. *Зелье-та* у нас как отравка, питье ведьмино [17. Пункт 522]. *Зелье* это отравка из трав когда делают [17. Пункт 717]. Если ведьма захочет отравить, то *зелье* делала [17. Пункт 954]. Калдун иво *зельем* приманил [17. Пункт 748]. *Зелье*, он штоп людей травить, да ат ниво умирают [17. Пункт 433]. Это значение слово выражало в древнерусском языке, встречается оно в украинских и белорусских говорах: укр. *зілля* ‘волшебное зелье’ [24. С. 152], *призилити* ‘приворожить’ (Полесье) [25. С. 258], укр. *зелиничство* ‘знахарство’ [18. С. 369], бел. *зелье* ‘отравка, употребляемая кол-

дунами', *зелиць* 'растительным снадобьем наводит слепоту, отнимать рассудок, очаровывать, обольщать': *жиды озелили нас* [26. С. 207].

Приобретение лексемы функции термина народной магии можно считать простым развитием медицинского значения. Однако значение колдовского или ядовитого отвара является частным случаем обозначения в русском языке словом *зелье* всякого несъедобного и подозрительного снадобья. *Что за зель ты мне нашл!* [17. Пункт 7]. Не суп, а *зелье* приготовила [17. Пункт 904]. Эти значения можно рассматривать как вторичные по отношению к *зелье* 'отрава', так и как находящиеся с ним на одной ступени деривации и реализующие негативный потенциал травы и зеленого. По данным «Лексического атласа русских народных говоров», напитки, обозначаемые словом *зелье*, часто имеют горький вкус, подозрительный вид или просто непригодны для употребления внутрь: 'терпкий напиток из полыни', 'горькое питье', 'горький продукт', 'что-то горькое', 'невкусный привкус', 'отвар зеленого или коричневого цвета', 'разновидность плохой самогонки', 'вино (сомнительного свойства)'. *Зелье* – это когда очень невкусно и очень горько [17. Пункт 34]. *Зелье* это наподобие самогона, хреновый самогон [17. Пункт 747]. В сербском и украинском языках лексема может использоваться для негативной оценки продукта, вещи ('бросовый продукт' ← 'трава') [13; 18]. Ср. серб. *зелье* 'табак плохого качества': *ој ли запалити од овог зельа* [12. С. 90]. Близкое значение встречается и в русск. *трава*, когда этим словом называют невкусное, пресное блюдо: *не суп, а трава*.

У русских и украинцев лексема встречается как обозначение спиртных напитков, табака [27. С. 1193; 28. С. 607; 18. С. 573], причем часто с отрицательным эпитетом *погане, бисове, кляте* [18], кофе, чая [28], пороха [27; 28]. Значение 'алкоголь' представлено в шестидесяти пунктах «Лексического атласа русских народных говоров»: *Зелье* – эт прям первый враг у мужиков. Как выпьет и себя не помнит [17. Пункт 713]. У нас есть в сяле такие пьяницы, и семью, и работу потеряли. И кто их только это *зелье* пить заставлял [17. Пункт 714]. У нас *зелье* на праздник пьют [17. Пункт 954]. Следует отметить, что значение 'напиток' может быть производным как от значения 'трава' ('травяной напиток'), так и напрямую от зеленого цвета ('питье зеленого цвета').

Восточнославянское *зелье* в значениях 'сорной травы' и 'плохого напитка' имеет широкий круг негативных оценочных употреблений и метафор. В украинском языке словом *зілля* может быть названа всякая напасть, будь то комары, грызуны или вредители, в том числе люди [18]. В русском от значения 'отравы' производны негативные этические значения: литер. о злом, вредном человеке [27. С. 1193; 28. С. 607], диал. 'злое дело', 'грубый, сердитый человек', 'резкий человек', 'высочка', 'плохой человек', 'беспутный человек', 'зло' [17]. Ну и девчонка – *зелье!* [17. Пункт 828]. Так говорят, когда ково-то ругают, ну и *зелје* же ты говорят [17. Пункт 7]. Если кто кому злое што зделал то назовут *зелье* [17. Пункт 7]. Этот человек – существо *зельё*, всем вредит [17. Пункт 69]. Ср. укр. *z'il'a* 'недобрый, непорядочный человек', *z'il'a* 'скверный человек' [19. Пункт 501, 474]. Помимо негативных оценок, **zelye* развивает значение 'бойкий' (рус. 'о бойком человеке', укр. 'об энергичной женщине' [18], польск. *ziółko* 'хулиган'). Негативные коннотации русского слова *зелье* отражает и сочетаемость лексемы в составе ботанических названий: *вонючее зелье, жабячье зелье, ведьмино зелье* [8. С. 253–254]. Не исключено народно-этимологическое притяжение *зелье* 'отрава' к гнезду *злой*.

Связь *зелье* со злом может быть как развитием значения дикого, вредоносного в самом слове *зелье*, так и корениться в семантике травы и зеленого, для которых характерен ряд негативных коннотаций. В сербской фразеологии присутствует идея о потенциальной вредоносности диких трав: *Боље знано зелье јести, од питомога (знана) зельа глава (трбух) не боли, јеђи зелье из свога врта, бери зелье покрај себе* – букв. Лучше есть знакомую траву, от культурной (известной)

травы голова (живот) не болит, ешь траву со своего огорода, собирай траву рядом с собой – ‘Только в том человеке, которого ты хорошо знаешь, можно быть уверенным (обычно говорится в связи с женитьбой или замужеством)’ [13. С. 786]. Во всех славянских языках *зеленым* называется бледный, неестественный, болезненный цвет кожи у человека. Зеленый цвет приписывается коже человека в ярости: макед. [29. С. 207], русск. *позеленел от злости*. В восточносербских говорах слово *зеленица* обозначает ‘пасмурную и холодную погоду’: *Наступила е таква зеленица да се све помрзомо* (наступил такой холод, что все померзло) [9. С. 253], а слово *зеленикакав* выражает общую отрицательную оценку ‘који није никакав, који не постоји’ [9. С. 253]. Сюда же примыкают обозначения в сербском языке корнем *зел-* серого цвета: *зелов* ‘пес серо-зеленой шерсти’, *зекан* ‘лошадь серо-зеленой масти’ [10. С. 126] (о заимствованном характере семантической связи ‘зеленый’ – ‘серый’ см. [30]). Для сравнения отметим, что значения ‘травя’ и ‘отрава’ могут быть связаны и иным образом – как производные от значения ‘гнить’ **traviti* ‘переваривать, потреблять, отравлять’ [31. С. 1526].

При описании семантики лексемы следует сказать о ее отношении к семантически близким словам **trava* и **byľbje*. С уверенностью можно сказать, что слово **zelyje* не употребляется в значении ‘зеленого покрова земли из травянистых растений’, которое свойственно слову **trava*, и общеславянское *лежать на траве* не может быть выражено с помощью слова **zelyje*. В древности **zelyje*, возможно, выполняло функцию родового ботанического термина, типа современного русск. *травянистое дикорастущее растение*, которую оно отчасти сохранило в современных языках, ср. польск. *oj chmielu, chmielu, ty bujny zielu* (ой, хмель, хмель, буйная трава) [32. С. 380]. На юге и западе Славии лексема частично или полностью преобразовалась в сельскохозяйственный термин и стала использоваться как название огородных культур, а на востоке, напротив, стала употребляться как название огородных вредителей – сорняков и специфических трав – пахучих, дурманящих, лекарственных, ядовитых. Значением огородной культуры слово **zelyje* отличается от **byľbje*, которое также обозначает конкретные растения, а не земной покров и тяготеет к выражению значений ‘растение’, ‘сорняк, бурьян’ и ‘лекарственная трава’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
2. Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.
3. Толстая С.М. Многозначность и синонимия в общеславянской перспективе // Южнославянский филолог. Београд, 2006. Књ. LXII.
4. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
5. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973. Књ. 3.
6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1976. Вып. 3.
7. Teodorowicz-Hellman E. Zielony i niebieski w języku polskim w porównaniu z grön i blå w szwedzkim // Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Warszawa, 2000.
8. Словарь русских народных говоров. Л., 1976. Вып. 11.
9. Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
10. Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загараца // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Књ. XLIV.
11. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная / Под ред. А. Ференчиковой и др. Братислава, 2012. Вып. 4. Сельское хозяйство.
12. Гаговић С. Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. LI.
13. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1969. Т. 6.
14. Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
15. Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1987. Т. 2.
16. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.

17. Лексический атлас русских народных говоров. Архивные материалы.
18. Словник української мови. Київ, 1972. Т. 3.
19. Общеславянский лингвистический атлас. Архивные материалы.
20. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002.
21. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1.
22. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1927. Т. VIII.
23. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 2004. Т. 3.
24. *Грінченко Б.* Словарь української мови. Київ, 1996. Т. 2.
25. Етимологічний словник української мови. Київ, 1985. Т. 2.
26. *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
27. Словарь современного русского литературного языка в 17-и томах. М., 1955. Т. 4.
28. Словарь русского языка. М., 1985. Т. 1.
29. Толковен речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. Т. II.
30. *Ivić M.* O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd, 1995.
31. *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1987. Т. 20.
32. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1911. Т. 6.